

А.М. Сунгурский

В деревне никто не спит один

А.М. Сунгурский

В деревне никто не спит один

«Автор»

2026

Сунгурский А.

В деревне никто не спит один / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Варвара приезжает в Верхние Ольхи, чтобы забрать пожилого отца в город. Комната уже приготовлена. Кажется, осталось только собрать вещи. Но в деревне по ночам дежурят у чужих кроватей. Соседи записывают смены в школьную тетрадь, носят из дома в дом подушки и никогда не оставляют спящего без бодрствующего человека рядом. Варвара считает это суеверием — до первой ночи, когда отец заговаривает голосом её матери. Мать умерла четырнадцать лет назад. Дорога из Верхних Ольх открыта. Но в городской квартире, за тонкой стеной, Варвара понимает: вывезти отца ещё не значит его спасти. Отец просит вернуться, и она едет с ним обратно — туда, где знакомый голос может оказаться самым опасным звуком.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Стул у кровати	5
Глава 2. До одиннадцати	11
Глава 3. Лидочка	18
Глава 4. Что брать с собой	23
Глава 5. Комната без запаха	29
Глава 6. За тонкой стеной	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

А.М. Сунгурский

В деревне никто не спит один

Глава 1. Стул у кровати

У отца перед крыльцом стоял чужой стул. Красный, кухонный, с продавленным сиденьем и обмотанной изолентой ножкой. На спинке висела мужская куртка, а под ним мокли от дождя домашние тапочки.

Варвара заглушила машину. Пока ехала от последнего поворота, ей казалось, что деревня совсем не изменилась: те же берёзы у остановки, покосившаяся сетка школьной ограды, белая собака на цепи. Теперь она видела, что собака другая. Прежняя давно должна была умереть. Цепь же осталась — с большим ржавым кольцом, которое когда-то заедало на проволоке.

Отец не выходил. Сквозь кухонное окно было видно пустое кресло.

Она вытащила с заднего сиденья пакет с продуктами, толкнула калитку коленом. Петля скрипнула так знакомо, что захотелось сразу сказать: пап, ну я же просила, две капли масла. Вместо этого Варвара позвонила ему. Телефон отозвался в доме, долго звенел и умолк.

С другой стороны улицы женщина в резиновых сапогах подняла руку.

— Он спит. Стучать не надо.

Женщина стояла в раскрытых воротах, придерживая створку бедром. За её спиной был двор, которого Варвара почти не помнила: ряд чёрных вёдер, низкая скамья, деревянные рейки под навесом. Здесь жили Соколовы и, кажется, собирались уехать. Отец по телефону рассказывал об этом невнятно, а она не переспрашивала.

— Я дочь, — сказала Варвара.

— Узнала. Иди через летнюю кухню. Открыто.

Она сказала это без удивления, словно Варвара всё лето ходила туда и обратно и сейчас вернулась из магазина.

Внутри пахло сушёными яблоками и холодной печью. Сбоку от вешалки стоял высокий пластиковый таз; в нём лежали вымытые половики. На крючке, где мать держала фартук, висел клетчатый платок. Варвара коснулась его — прежде, чем подумала, зачем. Платок был сухой и чужой.

Отец спал в большой комнате, которую они по привычке называли залом. Не на своей кровати, а на разобранном диване. На нём были тёмные брюки и рубашка с расстёгнутым воротом. Одна нога свешивалась, пальцы в носке касались ковра. В носке над ногтем большого пальца виднелась дырочка.

У дивана сидела женщина с вязанием.

При виде Варвары она опустила руки на колени, но не встала. Лет шестидесяти, короткие светлые волосы с тёмной полоской у корней, узкое лицо. На большом пальце левой руки — толстый серебряный перстень. Варвара почему-то решила, что это перстень её покойного мужа.

— Здравствуйте, — тихо сказала женщина. — Вы всё-таки сегодня.

— Я предупреждала.

— Он сказал, к вечеру. Сейчас только половина четвёртого.

Варвара посмотрела на отцовскую грудь. Рубашка поднималась ровно. От него ещё пахло привычным мылом, хотя она стояла у двери и вряд ли могла его чувствовать.

— Он плохо себя чувствует?

— Ночью почти не спал.

— Почему?

Женщина посмотрела на диван. Отец шевельнул кистью, будто отодвинул на столе невидимый стакан.

— Разбудить? — спросила Варвара.

— Подождите немного. Хоть полчаса.

— Простите, а вы...

— Тамара. Зуева. Мы виделись на остановке, вы отцу сумку привозили. Синюю, на колёсах.

Сумка была три года назад. Отец тогда ещё ходил быстро и ругал её за то, что не осталась ночевать. Она действительно видела возле остановки женщину. Не могла бы сказать, эту ли.

Варвара поставила продукты на пол. Ручки пакета оказались влажными: замороженная рыба оттаивала всю дорогу.

— Я в холодильник уберу.

— В нижнем ящике место есть.

Вот это ей не понравилось. Не женщина с вязанием, не её спокойное присутствие, а знание о нижнем ящике. Тамара знала, куда положить рыбу, а Варвара — нет.

На кухне было чисто. Новая доска для хлеба, большой чайник без свистка, два блюда на сушилке. Мать никогда не ставила блюда стоймя: считала, что с них вода капает на ложки. Варвара достала банку со сметаной, яблоки, коробку печенья. Яблоки на вид ничем не отличались от тех, которыми был заставлен подоконник.

За окном прошёл молодой мужчина. Он нёс две подушки, прижимая к груди, как ребёнка. За ним — старуха с узким матрасом, свёрнутым и перевязанным бельевой верёвкой. Они остановились у соседской калитки. Молодой мужчина оглянулся на отцовский дом и улыбнулся.

Варвара улыбнулась в ответ, из вежливости.

Потом поняла, что он смотрел не на неё. Окно бликовало, за стеклом её вряд ли было видно.

Она включила чайник и наконец заметила на столе тетрадь. Обычная школьная, в сорок восемь листов. На раскрытой странице были имена и часы. Гриша — Тамара. Раиса — Кузьма. Инга — Лев. Несколько фамилий зачёркнуто. Возле одной стояло: «до двух», возле другой: «не садить у печи».

Варвара перелистнула страницу.

Из комнаты донёсся голос Тамары:

— Если вам неудобно со мной, я к вечеру уйду.

Варвара закрыла тетрадь.

— Почему неудобно? Я просто не знала, что вы здесь.

— Он собирался сказать.

— Что сказать?

Тамара не ответила. В комнате заскрипел диван, отец откашлялся.

Варвара поспешила к нему.

Он сидел, опершись ладонями о колени. От сна лицо было рыхлое, совсем старое. Потом он поднял глаза и улыбнулся; на несколько секунд стал таким, каким она хранила его в памяти: высоким, упрямым, уверенным, что любую вещь можно заставить работать, если не мешать ему и подать нужный ключ.

— Приехала, — сказал он.

— Приехала, пап.

Он протянул руки. Она наклонилась, обняла его. Шея у него стала тоньше, под воротником нащупывался твёрдый позвонок.

— Что ты не встретил?

— Вот, велено отдыхать.

— Кем велено?

Он кивнул на Тамару. Та уже убирала вязание в матерчатую сумку.

— Правильно велено, — сказала Варвара. — Ты же сам мне написал, что не спишь.

— Написал, чтобы позвонила. А ты сразу с багажником.

— У меня обычный багажник. Как у всех.

Отец засмеялся, но тут же перестал: ему пришлось выпрямить левую ногу. Тамара придвинула табурет под пятку так естественно, что Варвара отступила.

— Я пока кур покормлю, — сказала Тамара. — Суп на плите. Разогрейте, только не до кипения.

— Ты вечером придёшь? — спросил отец.

— Приду.

Женщина прошла мимо Варвары, коснувшись её локтя. Не обняла, не попросила прощения за присутствие — просто предупредила прикосновением, что проходит. Из сеней донёсся стук каблучков, потом калитка скрипнула.

— Пап, — сказала Варвара.

Отец нагнулся за тапочками. Под диваном был один.

— Второй с той стороны.

— Я не про тапок.

— А я про него. Не могу босиком.

Она обошла диван, подала тапок. Отец надел его и встал. В движении он был живее, чем лёжа: грузный, сутулый, но вовсе не беспомощный. Дошёл до кухни, приподнял крышку кастрюли.

— Тамара котлеты не ест. Я ей говорю: нормальные котлеты, домашние. А она: жирно. Всё им жирно теперь.

— Она часто у тебя?

— Бывает.

— Каждый день?

Он взял со стола яблоко. Повернул в пальцах, нашёл маленькое тёмное пятно и поставил фрукт пятном вниз.

— Варь, давай сначала поедим.

Она могла потребовать ответа. Раньше так и сделала бы, посчитав, что имеет право: не чужая ведь приехала. Но было что-то унижительное в том, как отец прикрыл ладонью поставленное на стол яблоко. Словно и это ему предстояло объяснять.

Варвара достала тарелки.

* * *

После супа она прошла по дому с рулеткой. Измерила отцовскую кровать, маленький комод и ширину дверного проёма. Отец следил за ней с порога.

— Комод не повезём, — сказал он.

— Почему?

— Потому что я тоже пока не еду.

Варвара отпустила ленту. Металл щёлкнул, ударив по пальцу.

— Мы же договорились.

— Ты договорилась.

— Ты сказал: «Ладно, приезжай».

— Так ты приехала.

Она смотрела на кровать. Покрывало было другое, с большими серыми листьями. Мать лежала на этом месте последние два месяца своей жизни, и Варвара помнила каждую нитку

старого, коричневого. Отец убрал его. Конечно, за четырнадцать лет он мог убрать покрывало. И всё же ей на мгновение показалось, что она приехала слишком поздно.

— Я комнату освободила, — сказала она. — Работу на дом брать перестала, стол в мастерскую перевезла. Там теперь можно нормально жить.

— Я знаю.

— В поликлинике узнавала.

— Знаю.

— Тогда почему я всё это делала?

Отец потёр колено. Он стоял у косяка, одной ладонью опираясь на дерево, и она ненавидела эту опору: она мешала сердиться на него как прежде.

— Не знаю, Варя. Ты не спросила.

Она сложила рулетку. Положила в карман куртки рядом с ключами от машины.

— Ты здесь один.

Отец открыл рот, но ничего не сказал.

Со двора послышались голоса. Женщина в сапогах, которая направила Варвару к летней кухне, принесла охапку простыней. Следом вошёл мужчина с красным стулом. Он поставил его в сенях и поднял с пола мокрые тапочки.

— Раиса, я же говорил, под навес надо! — сказал он.

— Ты говорил, сам уберёшь.

— Куртку убрал.

— А ноги тебе тоже в куртку засунуть?

Отец засмеялся. Варвара тоже не удержалась.

Мужчина отряхнул тапочки, сунул под мышку. У него было квадратное лицо, светлые ресницы и полоска давно обожжённой кожи на правом предплечье.

— Кузьма Соколов, — сказал он Варваре. — Помните ещё? Телевизор вам чинил. Вы школьницей были.

Она помнила отвёртку у мужчины за ухом. Лицо — едва.

— Здравствуйте.

— Здравствуй. Ну, теперь Григория можно с рук снять. Дочка приехала.

Раиса посмотрела на мужа и слегка качнула головой. Он перестал улыбаться.

— В смысле, навещать есть кому, — добавил Кузьма.

Варвара подумала: они все знают про переезд, кроме человека, который переезжает. Сейчас ещё выяснится, что отец просил их отговорить её.

— Стул чей? — спросила она.

— Мой, — сказал Кузьма. — Раиса не любит, когда на кровати сижу. Проминаю край. А в кресле меня уносит.

— Он за три минуты уснёт, — сказала Раиса. — И телевизор ему не мешает.

— Да я услышал бы.

— Ты вчера чайник не услышал.

Кузьма взял стул за спинку. Варвара вдруг заметила, что передние ножки подпилены: сидящий должен был чуть наклоняться вперёд. Нелепая переделка. Ей, привыкшей исправлять чужой ремонт мебели, захотелось вывернуть стул, посмотреть, что сделано снизу.

— На таком же неудобно сидеть, — сказала она.

— Зато не развалишься, — отозвался Кузьма.

Раиса дала отцу простыню, остальные прижала к себе.

— Я вам не понадобится сегодня?

— Варя побудет, — сказал отец.

— Я до воскресенья, — уточнила Варвара. — Может быть, раньше уедем.

Соседи переглянулись. Не с ужасом, не выразительно — быстро, буднично, как переглядываются люди, услышавшие трудную цену.

— Ну, поглядите, — сказала Раиса.

Они ушли. Красный стул Кузьма унёс с собой.

* * *

К шести начало темнеть. В городе Варвара не замечала, как сокращается день; выходила из мастерской и сразу попадала в свет магазинов. Здесь тени между домами стали синими, хотя над лесом ещё держалась бледная полоса неба.

Отец вынес из чулана второй стул. Этот был их, старый, с резной спинкой и сиденьем, которое она обтягивала ещё студенткой. Ткань протёрлась на углах. Он поставил стул у её кровати.

— Здесь лишний, — сказала Варвара. — Я на него ночью наткнулась.

— Привыкнешь.

— Мне даже чемодан некуда открыть.

Отец передвинул чемодан к шкафу. Стул оставил.

Она сняла постельное бельё с полки, натянула простыню. В комнате стоял запах сухого дерева и чуть-чуть — керосина. Раньше здесь хранили лампу, когда часто отключали электричество. Теперь на тумбочке было сразу два фонарика и маленький аккумуляторный светильник.

— Опять провода рвёт?

— Иногда.

— У вас же недавно меняли.

— Лес не меняли.

Он взял один фонарик, включил, посмотрел на свет и положил обратно.

— Пап, ночью не надо ко мне ходить. Я правда взрослая.

Отец поднял голову.

— А я не буду ходить.

— Тогда зачем...

Она указала на стул.

Отец сел. Под ним скрипнула одна из перекладин. Варвара подумала, что надо завтра проклеймить соединение. Старый столярный клей рассыпается незаметно, а потом однажды человек садится на пол вместе с мебелью.

— Ты когда обычно ложишься? — спросил отец.

— По-разному. После одиннадцати.

— Хорошо. Ты тогда до одиннадцати. А я после.

Она ждала продолжения. Он молчал.

— Что «после»?

— Посижу возле тебя. А ты пока возле меня.

— Тебе плохо, когда засыпаешь?

Он покачал головой.

— Варя, я знаю, как это звучит. Ты сейчас скажешь, что нам всем делать нечего. Что телевизор насмотрелись.

— Я пока ничего не сказала.

— Здесь ночью одному спать нельзя.

Из кухни донёсся короткий металлический стук: остывающая кастрюля, наверное, или крышка чайника. Варвара услышала его отчётливо и разозлилась на себя за то, что услышала.

— Пап, — сказала она. — Ты поэтому написал?

Он глядел на неё устало, почти с досадой.

— Я написал, потому что соскучился.

За окном щёлкнула калитка. В сенях зашуршал пакет, и Тамара, не входя, окликнула отца:

— Гриш, ты ей объяснил?

Варвара не повернулась к двери. Она смотрела, как отец снимает с её кровати подушку и кладёт себе на колени. Будто собирается просидеть так очень долго.

Глава 2. До одиннадцати

Тамара принесла банки с вареньем и связку шерстяных носков. Варенье поставила на кухне, носки отдала отцу.

— Синие твои. Серые Лёвке обещала, потом занесу.

— Он уже в твоих носках вырос, — сказал отец.

— Ничего. Ему ещё расти.

Варвара стояла на пороге своей комнаты. Она слышала, как отец и Тамара разговаривают, и не могла уловить в их голосах ничего такого, с чем следовало бы немедленно бороться. Сумасшедшие из телевизионных передач говорили совсем иначе. Возможно, в жизни они тоже говорили о носках.

Тамара заметила её взгляд.

— Вы не пугайтесь. Григорий иногда очень... с конца начинает.

— Он сказал, что одному спать нельзя.

— Да.

— Здесь, в деревне?

— Здесь.

— А в соседней можно?

Тамара вытянула серый носок вдоль руки, проверяя длину. Потом свернула оба в комок.

— Я там не живу.

— Значит, не знаете.

— Не знаю.

Варвара села. Ей хотелось говорить спокойно — хотя бы для того, чтобы не оказаться самой глупой за этим столом.

— Объясните нормально. Кто-то ходит по домам? Были кражи? Пап, ты мог прямо написать, я бы приехала.

Отец налил себе чай и долго размешивал сахар.

— Не по домам ходят, — сказал он.

— А где?

— Гриш, — остановила его Тамара. — Дай мне.

Отец положил ложку на блюдце.

Тамара села напротив Варвары. Свет падал сверху и подчёркивал морщинки у глаз. Вблизи она выглядела не старой, а очень уставшей; от обычной усталости Варвара отличала такую хорошо, видела у женщин, которые привозили перетянуть диван, а потом месяцами не могли забрать, потому что некому помочь.

— Раньше так бывало редко, — сказала Тамара. — Во всяком случае, при мне редко. Моя свекровь про это говорила, я слушать не хотела. Потом люди разъехались. Домов пустых всё больше. Остались те, кому некуда, и те, кому уходить жалко. А в прошлом году началось чаще.

— Что началось?

— Человек проснётся — вроде человек. Голос тот же. Работу делает. А что-то в нём...

Она умолкла, явно недовольная собственными словами.

— Меняется, — подсказал отец.

— Мы все меняемся, — сказала Варвара.

— Вот именно, — ответила Тамара. — Поэтому и страшно сразу думать. Можно живого человека обидеть так, что потом не поправишь.

Этот ответ Варвара не ожидала услышать.

Тамара продолжила:

— Я вам не расскажу сейчас, как в страшной сказке: не ест соль, отражения нет, ноги задом наперёд. Ест он соль. Отражается. Может вспомнить, где вы в семь лет коленку разбили. А потом ты с ним ночью останешься и поймёшь, что ему от тебя нужно совсем не то, что он говорит.

Отец отвёл взгляд к окну.

— Кто «он»? — спросила Варвара. — Вы сейчас про кого-то определённого?

— Про одного расскажу. Только не сегодня. Вы с дороги, Григорий не спал. Если я начну, мы до утра не закончим.

— А до утра, я так понимаю, и нельзя заканчивать.

Тамара не обиделась. Варваре стало от этого ещё хуже.

Отец взял кусок хлеба, подвинул к себе варенье. Кусок покачивался у него в пальцах. Он положил его обратно.

— Я в августе у Кузьмы уснул, — сказал отец. — Мы телевизор смотрели. Он ушёл к себе в комнату, думал, я домой пойду. А я остался на диване. Утром не мог вспомнить, сколько у меня детей.

— Пап, это повод идти к врачу.

— Ходил.

— Когда?

— В августе. Инга отвезла.

— И почему ты мне не сказал?

— Потому что у тебя тогда заказ был. Ты сама говорила: до пятницы хоть не живи.

Варвара помнила тот заказ. Два кресла для кафе, хозяйка трижды меняла ткань, аванс уже потрачен на материалы. Она действительно могла так сказать. Но не могла же она каждый раз добавлять: только, пожалуйста, не воспринимай всерьёз.

— Что врач сказал?

— Обследоваться. Давление мерить. Спать.

— Ты обследовался?

Отец поднялся, пошёл к шкафу и вернулся с папкой. Там были направления, анализы, несколько распечаток. Варвара разложила их на скатерти. Названий половины исследований она не понимала. Читала заключения по последним строкам: грубой патологии не выявлено, консультация, контроль. Само отсутствие страшных слов сразу действовало на неё успокаивающе.

— Вот видишь, — сказала она. — Не спишь, вот и память...

— Варь, я до того спал.

Она остановилась.

Отец стоял рядом. Не просил поверить, не сердился — просто поправлял последовательность. И эта маленькая точность почему-то мешала ей больше, чем если бы он принялся кричать о нечистой силе.

— Хорошо. Тогда давай ещё сходим. У меня в городе.

— Сходим.

Он сказал это слишком охотно. Варвара посмотрела на Тамару; та сидела, сцепив руки на коленях.

— А днём? — спросила Варвара. — Ты сегодня днём спал.

— Днём можно, — ответил отец.

— Тогда спите днём. Все.

— Спим, — сказала Тамара. — Кто может.

— И чего тогда бояться?

— Того, что ночь длинная. И человеку бывает плохо, или он устал, или зазевался у телевизора. Дневной сон не кнопка.

— Я понимаю. Но у вас здесь целое расписание.

Она указала на тетрадь.

— Мы его и завели, когда поняли, что друг на друга рассчитываем, а никто ничего толком не знает, — сказала Тамара. — Я думаю, Раиса к нему пришла. Раиса думает, что я. А Григорий думает, что он никому не должен надоедать.

Отец собрал медицинские бумаги.

— Давайте не при мне, что я думаю.

* * *

Тамара осталась помочь постелить ему на диване. Варвара принесла чистую наволочку. Женщины взялись за разные углы подушки и на мгновение потянули каждая к себе.

— Я сама, — сказала Варвара.

Тамара разжала пальцы.

Отец вышел в сени, будто ему срочно понадобилось что-то принести.

— Он как давно... — начала Варвара и замолчала.

Тамара ждала.

— Давно вас просит оставаться?

— С августа чаще. До этого тоже сидели. Когда кто болел, когда один дома оставался. Не каждый день, не со всеми.

— Вы верите, что из-за того раза он стал другим?

Тамара погладила угол наволочки. Варвара хотела дёрнуть его, разгладить складку, но удержалась.

— Он пока Гриша, — сказала Тамара. — И сам это знает. Только бывают минуты, когда...

Она посмотрела в сторону сеней.

— Когда я ему будто не нужна. Не просто рассердился, не хочет видеть. А не знает, зачем вообще человек нужен. А потом проходит, и он просит не уходить.

— Это может быть болезнь.

— Может. Потому и обследовались.

— Вы допускаете?

— Я много чего допускаю, Варвара. Мне не девятнадцать.

Варвара поправила подушку.

— Варя, — сказала она. — Можно Варя.

Тамара кивнула.

— У него слух хуже. Иногда он не отвечает, потому что не слышал. Не надо в такие минуты пугаться.

— Я знаю.

— Знаешь. Хорошо.

Она снова не стала спорить. Варвара начала понимать, что её раздражает не мягкость этой женщины, а то, сколько всего та успела узнать без неё.

В сенях отец кашлянул и вернулся с пачкой печенья.

— Вам чаю ещё?

— Мне идти надо, — сказала Тамара. — Авдотью сменить обещала.

Варвара уже открыла рот, чтобы спросить, что значит «сменить Авдотью», но Тамара продолжила сама:

— Она днём при Раисе спала, а теперь у Кузьмы посидит до девяти. Я потом к ней. Здесь, если надо, я тоже могу остаться. Гриша говорил, вы... ты против чужих в доме будешь.

— Я не против, — сказала Варвара слишком быстро.

Отец посмотрел на неё.

Тамара взяла сумку.

— Сегодня сама с ним побудь. Он ждал. Если что, мой дом за колодцем, зелёная крыша. Но сначала позвони. Номер у Гриши записан на холодильнике.

— А вы свою дверь не запираете?

— Запираю, конечно.

— Просто папина была открыта.

— Мы тебя ждали.

Простой ответ немного отрезвил Варвару. Не каждый открытый замок означал ритуал.

Тамара оделась. У порога отец осторожно взял её за запястье.

— Спасибо.

— За носки?

— За носки тоже.

Она тронула его щёку двумя пальцами. Варвара смотрела в сторону, на испачканный коврик. Отцу был семьдесят один год, а она всё ещё могла стоять рядом и ждать, когда взрослые закончат то, на что ей смотреть не положено.

* * *

До одиннадцати оставалось почти четыре часа.

Отец лёг на диван под лёгкое одеяло. Варвара устроилась в кресле с телефоном. Из маленького окна было видно соседний дом: два освещённых прямоугольника, между ними чёрная стена. Иногда свет заслоняла чья-то фигура.

— Тебя будить, если захрапишь? — спросила она.

— Я не храплю.

— Мама бы поспорила.

Он улыбнулся, закрыв глаза.

— Она сама храпела. Только никому не говори.

Это было так обыкновенно, что Варвара почувствовала облегчение. Она написала в мастерскую, что приехала, завтра уточнит возвращение. Отправила фото отцовского дивана коллеге: «Смотри, ещё живой. Мы такой пружинный блок год назад выбрасывали».

Сообщение осталось с часиками. Через минуту ушло.

Отец не спал. Она поняла это по кисти на одеяле: пальцы сжимались и распрямлялись.

— Пап, я здесь.

— Вижу.

— Ты же глаза закрыл.

— Слышу.

Она отложила телефон, взяла с полки книгу. Детектив в мягкой обложке, купленный, вероятно, на вокзале. Открыла посередине. В тексте кто-то кому-то лгал. Варвара дважды прочла одну страницу и не смогла понять, кто именно.

— А если я отвернусь? — спросила она.

Отец открыл глаза.

— Зачем?

— Ну в туалет схожу. Чай налью. Мне всё время на тебя смотреть?

— Не всё время. Ты же тут. Знаешь, что я лежу. Подойдёшь, посмотришь.

— Так можно или нельзя?

Он приподнялся на локте.

— Варь, я не умею это словами. Тамара лучше умеет. Не надо глаза пучить, до рези. Надо просто не забыть, что я здесь.

— Я не забываю.

Он кивнул и снова лёг.

Варвара пошла за чаем. Включила воду, дождалась, пока из крана уйдёт холодная. На раковине стояла отцовская чашка со сколотой ручкой. Она давно хотела её выбросить. В этот раз чашка показалась важной: нормальная вещь, которую держал нормальный человек, и от небольшой трещины с ним ничего не происходило.

Она вымыла чашку, себе взяла новую. Проверила задвижку входной двери. Заглянула в комнату.

Отец спал.

Она остановилась у дивана, послушала дыхание. Потом села обратно.

В восемь ей позвонили из города. Заказчица просила привезти готовое кресло раньше понедельника, потому что в воскресенье приезжали гости. Варвара вышла в сени, где связь была немного лучше, и десять минут объясняла, что кресло привезут без неё, только надо договориться с грузчиками. Когда вернулась, отец лежал так же. Она ощутила бессмысленное желание извиниться.

В девять за окном прошла старуха. Очень маленькая, в шапке поверх платка, с фонариком в руке. Свет не попадал под ноги: старуха несла фонарь стеклом вверх. У отцовской калитки остановилась, подняла голову к окну.

Варвара махнула ей.

Старуха прошла через незапертую калитку, подошла к низкому окну и приставила ладонь к стеклу снаружи. Пальцы были тонкими, кривыми. Потом она кивнула и ушла.

Отец не проснулся.

Варвара накинула на колени плед и попыталась читать дальше. Ноги затекли от долгого сидения. Она поставила чашку на пол, перехватила книгу иначе. На кухне выключился холодильник. Тишина стала плотнее, но не страшнее — просто в ней оказались слышны часы из соседней комнаты.

У родителей всегда было слишком много часов. Кухонные, настенные, будильник, который не показывал одинаковое время с остальными. Мать говорила, что так спокойнее: если одни встанут, другие пойдут. Варвара сейчас вдруг подумала, что после маминой смерти отец ни разу не забыл поменять батарейки.

В половине одиннадцатого она устала. Вовсе не смертельно, как в фильмах про бессоницу; просто хотелось снять джинсы, умыться и лечь в нормальную постель. Она посмотрела на отца. Он ещё спал. Подбородок чуть дрожал на выдохе.

Будить пожилого человека ради нелепой смены было жестоко. Варвара решила, что даст ему поспать до утра. Сама ляжет на часок, а потом встанет проверить. Можно поставить будильник. Можно даже два.

Она уже потянулась за телефоном, когда отец сказал:

— Лидочка, дверь прикрой.

Варвара замерла.

Он произнёс это привычно, сонно, не открывая глаз. Назвал имя умершей жены. В этом не было ничего невозможного. Люди разговаривают во сне; она сама, бывало, отвечала на несуществующие звонки.

— Это я, пап. Варя.

Он сжал пальцы на краю одеяла.

— Знаю, — сказал он.

Теперь глаза у него были открыты.

— Что ты знаешь?

Он долго смотрел на неё, будто она стояла далеко и он пытался рассмотреть лицо.

— Что ты Варя.

Она поставила чашку на стол, чтобы не задеть ногой.

— Ты звал маму.

— Приснилась.

— Что снилось?

Отец сел. Провёл ладонью по лицу, потом посмотрел на часы.

— Без двадцати. Ты иди умывайся, я пока похожу. Нога затекла.

— Пап, не надо со мной сидеть. Правда.

Он поднял голову.

— Не начинай.

— Ты поспал три часа, этого мало.

— Ещё днём три. Хватит пока.

— Я дверь оставлю открытой.

— Оставляй. И свет в коридоре.

Он стоял посреди комнаты в помятой рубашке и выглядел упрямее, чем сразу после её приезда. Варвара вдруг обрадовалась его упрямству. Было с чем спорить.

Она умылась, переоделась, приготовила отцу чай в термосе. Поставила рядом со стулом печенье. Всё это казалось одновременно заботой и дурной игрой, в которую она согласилась играть ради старого человека. Завтра, при дневном свете, она разберётся, как прекратить.

Отец сел у двери её комнаты. Не вплотную к кровати, как она боялась. Между ними оставалось метра два.

— Ты можешь телевизор тихо включить, — сказала она.

— Разбудит.

— Не разбудит.

Он взял пульт, но включать не стал.

Варвара легла на бок, лицом к стене. В детстве здесь были обои с жёлтыми птицами, и возле подушки одна птица осталась без головы: Варвара оторвала кусочек, когда болела и не знала, чем занять руки. Теперь стена была выкрашена светло-зелёным. Она провела по ней пальцами. Краска была шершавая.

— Пап?

— А?

— Завтра поедем. Просто на пару дней. Посмотришь комнату, прогуляемся. Не понравится — привезу обратно.

Он молчал так долго, что она обернулась.

— Я думаю, — сказал он.

Варвара снова повернулась к стене. Из кухни донёсся скрип, потом тихий плеск: отец наливает чай. Она различила сухое шуршание обёртки. Отец никогда не разрывал пачку целиком: отгибал надорванный край, доставал одно печенье и снова подворачивал пластик.

В комнату он вернулся почти неслышно.

— Пап, возьми плед, — пробормотала она. — На шкафу.

Ответа не было. Она уже засыпала и решила, что он просто не расслышал.

Через некоторое время ей показалось, что мать вошла в комнату. Не приснилось её лицо — возникла та особенная уверенность, с которой ребёнок узнаёт шаги за дверью. Сейчас поправят одеяло, коснутся лба и скажут, что завтра не надо идти в школу, ещё один день можно дома.

Варвара открыла глаза.

Отец сидел на стуле и держал руки на коленях. Свет из коридора проходил между ним и дверью.

— Ты чего не спишь, маленькая? — спросил он.

Голос был материнский. Не похожий, не спародированный высоким старческим голосом. Низкий, немного хриплый, с той усмешкой, которая всегда слышалась у Лидии прежде, чем появлялась на лице.

Варвара села так резко, что ударилась затылком о стену.

Глава 3. Лидочка

— Пап.

Он продолжал смотреть на неё. Верхняя пуговица рубашки была расстёгнута, из ворота выглядывала белая майка. Варвара видела эту майку, его редкие седые волосы, большие руки, на которых расплзлись тёмные пятна, и ждала, что сейчас всё вернётся на место.

— Пап, скажи ещё что-нибудь.

Он повернул голову к коридору.

— Не надо вставать, — сказал материнский голос. — Пол холодный.

Варвара всё-таки встала. Одна ступня попала в тапочку, другая — на голую доску. Внизу живота стало холодно, как на спуске в лифте.

Она нажала выключатель у двери. Свет в комнате загорелся, отец зажмурился. Варвара ухватила его за плечи.

— Это не смешно. Пап, прекрати.

— Ты чего?

Теперь голос был его. Грубоватый, сонный, раздражённый.

Варвара отпустила рубашку. На плече осталась складка.

Отец посмотрел на её ноги.

— Тапок надень.

Она отступила от него, села на край кровати. Тапок лежал под стулом. Дотянуться до него означало наклониться близко к отцовским коленям, и она осталась босой.

— Ты сейчас говорил маминым голосом.

Он опустил голову. Не спросил, не слышалось ли. Это было самым страшным.

— Ты с ней разговаривала?

— С тобой.

— Что сказала?

— «Пап». Я сказала «пап».

Он выдохнул.

— Ложись пока.

— Ты издеваешься?

Григорий потёр лоб и поднялся. Она напряглась, готовая снова схватить его. Но он обошёл стул, пошёл на кухню. Варвара услышала, как открывается кран.

В дверном проёме осталась пустота, и от неё стало ещё хуже. Варвара подхватила халат и пошла следом.

Отец пил прямо из ладони, наклонившись над раковиной. Вода стекала с подбородка. Он заметил её и закрыл кран.

— Я сейчас Тамаре позвоню.

— Я сама.

Он кивнул, словно это было разумно, и сел.

Номер действительно висел на холодильнике. Варвара прочла его дважды, набрала. Тамара ответила после второго гудка.

— Что, Варя?

— Он... Я не знаю. Он говорил не своим голосом.

— Своим теперь?

Варвара посмотрела на отца. Он разворачивал полотенце, вытирал лицо.

— Да.

— Слышит тебя? Понимает?

— Понимает.

— Я приду. Дверь открой.

— Вы же у Авдотьи.

— Посажу её с Раисой. Пять минут.

Варвара хотела попросить быстрее, но вместо этого сказала спасибо.

Отец сидел в домашней рубашке, мокрой вокруг ворота. С правого уха на шею медленно сползала капля. Она протянула ему сухой край полотенца.

— Давно это у тебя?

— Первый раз в конце августа.

— И всё это время ты мне...

Она не закончила. Отец смотрел на неё, и в этом взгляде было слишком много усталого ожидания упрёка.

— Как часто? — спросила она.

— Не каждый день. Может, раз в неделю. Может, чаще, когда один.

— Откуда ты знаешь, что говоришь не своим голосом, если один?

Он сжал полотенце.

— Слышу.

С улицы донеслись шаги. Варвара вышла в сени, отперла дверь. Тамара вошла, запахнув пальто прямо на домашнее платье. Волосы у неё стояли неровными прядями. Она не бежала, но дышала часто.

— Где он?

— На кухне.

Тамара прошла мимо Варвары.

— Гриш, на меня посмотри.

Отец поднял голову.

— Ну чего? Вот он я.

— Дурак ты, — сказала Тамара и села рядом.

Варвара ждала, что та спросит девичью фамилию матери или велит показать язык. Тамара взяла отца за руку и просто держала. Перстень на её большом пальце оказался не серебряным, а стальным — дешёвый, с затёртым рисунком.

— Ты заснул? — спросила она.

— Нет.

— Точно?

— Тамара, точно.

— Варь, а ты?

— Не знаю. Начала засыпать. Потом он сказал...

— Что?

— Что пол холодный.

Тамара сжала отцовскую кисть. Григорий смотрел на скатерть.

— Раньше так Лида говорила? — спросила Тамара.

— Все так говорят, — ответила Варвара.

— Я знаю. Просто спрашиваю.

— Да. Говорила.

Отец вдруг поднялся. Стул проехал по полу, задев стену.

— Я ей не помощник, — сказал он.

— Кому? — спросила Варвара.

— Этому... тому, кто говорит.

Он начал ходить от окна к двери, коротко прихрамывая. Тамара не останавливала его. Варвара замечала подробности с ненужной отчётливостью: серый ворс на носке, скол на плите,

маленькое пятно чая возле термоса. Как будто каждая вещь требовала, чтобы её запомнили прежде, чем что-то случится.

— Надо скорую, — сказала она.

— Звони, — ответила Тамара.

Разрешение прозвучало спокойно. Варвара растерялась: она ожидала возражений.

Отец остановился.

— Мне сейчас не плохо. Сейчас я нормальный.

— А минуту назад?

— Вот и объясни им про минуту назад. Я уже объяснял.

Варвара набрала номер экстренной службы. В сенях связь пропала; она вышла на крыльцо и повторила. Женщина на другом конце выслушала её, стала задавать вопросы. Есть ли боль, потеря сознания, нарушение движений, когда началось, какие лекарства принимает. Варвара возвращалась на кухню, спрашивала, снова выходила. Слова «голос умершей жены» она так и не произнесла. Сказала, что у пожилого человека внезапно изменилось поведение, он разговаривал необычно и раньше жаловался на память.

Пока её соединяли с районной службой, отец сам вышел на крыльцо. Встал рядом, придерживаясь перил. Варвара передала ему телефон.

Он назвал возраст, адрес и рассказал о провале памяти в августе. О голосе тоже рассказал. Без стыда, устало. Потом выслушал ответ и вернул телефон дочери.

Варвара договорилась о приезде. Ей сказали, что свободная бригада будет не сразу, и попросили оставаться с отцом, а при ухудшении звонить снова.

— Останемся, — сказала она.

В доме Тамара грела воду. Григорий сел на диван. Варвара принесла ему сухую рубашку и, отвернувшись к окну, дождалась, пока он переоденется.

— Я не хотел, чтобы ты вот так, — сказал он.

— Как?

— Ночью. С крыльца. По телефону.

Она взяла мокрую рубашку и повесила на спинку стула.

— А как ты хотел?

Он не ответил.

* * *

Машина приехала через час с небольшим. Всё это время они втроём сидели в комнате, разговаривая о том, что ещё можно рассказать врачу. Тамара помнила дни, которые отец путал, отец сердился, потом признавал. Варвара записывала на обороте магазинного чека. Ночью касовая бумага казалась неприлично маленькой для того, что на ней приходилось уместить.

Приехали двое: мужчина с сумкой и водитель. Мужчина представился Денисом, попросил включить верхний свет и говорил с Григорием, почти не глядя на Варвару. Это ей понравилось. Отец был его пациентом, не предметом их семейного обсуждения.

Денис задавал вопросы, осматривал, измерял давление. Григорий отвечал связно, иногда с привычной усмешкой. Когда его попросили пройти, он сказал, что с левым коленом чудес не обещает. Варвара смотрела, как отец идёт к окну и обратно, и чувствовала одновременно облегчение и предательство: только что она была уверена, что с ним происходит невозможное, а теперь он делал её рассказ похожим на каприз испуганной дочери.

Денис не отмахнулся. Сказал, что такой осмотр не объясняет весь эпизод, спросил о поездке в районную больницу. Отец отказался уезжать прямо сейчас, но согласился на повторное обследование днём. Они обсуждали это без крика. Варвара не стала говорить, что заберёт его силой.

На выходе она задержала Дениса.

— А голос? Может человек так менять голос?

— Я его тогда не слышал, — ответил тот. — Не буду угадывать по пересказу. Запишите, если повторится, и расскажите врачу точно так же. Только не пытайтесь специально вызвать.

— Вы нам не верите?

Он посмотрел на неё чуть внимательнее.

— Я верю, что вы испугались. И что у отца есть жалобы. Этого достаточно, чтобы им заниматься. Но одного объяснения у меня сейчас нет.

Варвара кивнула.

Водитель всё это время стоял у калитки. Когда они уходили, он посмотрел на освещённое окно Соколовых.

— Вы тут по одному не оставайтесь, — сказал он.

Варвара вскинула голову.

— Почему?

— Пожилой человек. Пока не разобрались.

Он сел в машину. Никакого другого смысла в его словах могло не быть.

* * *

После отъезда медиков отец уснул. На этот раз Тамара села возле дивана, а Варвара осталась на кухне. Смотрела на экран телефона, где сохранился таймер разговора, на фамилию в медицинской бумаге, на фотографии своей квартиры. В комнате, приготовленной для отца, стояла новая лампа. На полу лежал свёрнутый коврик, который она не успела постелить.

В городе была другая жизнь. У соседа сверху начинался ремонт, заказчица ждала кресло, в холодильнике испортится открытый творог. Отсюда всё это выглядело невероятным. Но стоило закрыть глаза, как Варвара снова слышала голос матери.

В половине четвёртого Тамара вошла за чаем.

— Я посижу до утра. Ты ложись рядом, на раскладушку. Мы её сейчас принесём.

— Я не хочу спать.

— Знаю. Но лучше попробуй.

Они вдвоём достали раскладушку из чулана. Варвара помнила её металлический щелчок, помнила, как в детстве боялась прищемить пальцы. Полотно посередине провисло, но держало.

Отец продолжал спать. Тамара застелила раскладушку, сама села на стул между двумя постелями.

Варвара легла, натянув одеяло до подбородка. В свете настольной лампы лицо Тамары было открытым и некрасивым: отвисшие веки, мелкие капилляры на щеке, припухлость под нижней губой. Совсем не лицо матери. От этого стало немного легче.

— Вы её знали? — спросила Варвара.

— Лиду? Знала. Мы одно время на кухне в школе работали. Я недолго, она потом ещё осталась.

— Она вас не любила?

Тамара удивлённо подняла глаза.

Варвара сразу пожалела о вопросе.

— Простите. Я не так...

— Мы ссорились из-за посуды, — сказала Тамара. — Она мне всё время переделывала. Я тарелки поставлю — она переставит. А потом я вернулась в швейный, и дружить стало проще.

Варвара невольно улыбнулась.

— Она блюда не ставила стоймя.

— Потому что на ложки капает, — сказала Тамара.

В комнате было слышно дыхание отца. За стеной что-то скребнуло; наверняка мышь, которую он отказывался травить, потому что отравится соседский кот. Варвара закрыла глаза.

— Если я усну, вы меня не оставите?

Она сказала это почти шёпотом, чувствуя, как сгорает от стыда.

Тамара ответила сразу:

— Не оставлю.

Варвара ещё некоторое время следила за тихим стуком спиц. Потом звук начал отдаляться. Перед самым сном она услышала, как Тамара поднялась, прошла к дивану и поправила отцовское одеяло. Вернулась не сразу: постояла возле него.

Варвара уснула от этого обыкновенного промедления.

* * *

Утром на кухне пахло жареным хлебом.

Тамара стояла у плиты. Отец сидел у окна, в чистой рубашке, и резал яблоко. Варвара долго глядела на них из дверей. Солнце освещало край стола и маленькую тарелку, куда отец складывал кожуру. На ночь это не было похоже совсем.

— Уже девять, — сказал он. — Я хотел будить, Тамара не дала.

— А вы спали? — спросила Варвара.

— Сейчас пойду, — сказала Тамара.

— Я вас отвезу.

— Здесь пять домов.

Варвара подошла к окну. На улице мужчина, которого она вчера видела с подушками, разговаривал с Раисой. Он стоял в куртке, засунув руки глубоко в карманы. Лицо было молодое, почти мальчишеское, хотя борода делала его старше.

— Кто это?

Отец проследил за её взглядом.

— Родион. Ингин брат.

— Он вчера подушки носил.

— Помогает, — сказал отец.

Тамара выключила плиту.

Варвара заметила, как неподвижно держит она руку на ручке сковороды.

— Что?

— Ничего, — ответила Тамара. — Хлеб сними, пока не высох.

Родион поднял голову. Варвара в этот раз знала, что он видит её: солнце светило сбоку, стекло не отражало небо. Он улыбнулся и приложил ладонь к щеке, склонив на неё голову. Жест был понятный, шуточный: хорошо поспала?

Она отступила от окна.

Отец положил нож.

— Давай сегодня поедem, — сказал он.

Варвара обернулась.

— Со мной?

— С тобой. В город. Только сумку сам соберу.

Глава 4. Что брать с собой

Первым делом отец достал удочку.

Она была убрана в длинный потёртый чехол и лежала наверху шкафа. Григорий подцепил петлю тростью, которую держал только для таких случаев. Варвара шагнула помочь, но он уже поймал чехол и прижал к груди.

— На пару дней, — напомнила она.

— Знаю.

— У нас сейчас дождь обещают.

— Так я не растворюсь.

Он положил удочку на диван. Рядом уже лежали два свитера, бритва, зарядка от телефона и маленькая коробка с рыболовными крючками. Варвара решила не спорить. Каждая вещь, которую отец выбирал сам, делала его отъезд добровольнее.

Тамара ушла спать. Перед этим они договорились встретиться у машины перед дорогой. Она не стала провожать отца немедленно, обнимать у дивана или объяснять, как за ним следить. Только попросила позвонить вечером.

— Я телефон возле подушки положу, — сказала она. — Если что — звони. Но лучше, чтобы ничего.

Теперь отец стоял перед шкафом и разглядывал рубашки так внимательно, будто собирался на чужую свадьбу.

Варвара принесла сумку на колёсах. Ту самую, синюю. На нижней молнии прилипла паутина.

— Хорошая сумка, — сказал он.

— Ты хоть раз ей пользовался?

— Когда в больницу ездил.

Варвара расстегнула боковой карман. В нём лежал сухой пряник, завернутый в салфетку.

Она молча протянула отцу.

— Выкинь, — сказал он. — Это ещё с того раза.

Она пошла на кухню, выбросила пряник, задержалась у мусорного ведра. В прошлый раз он собирался в больницу один. Положил пряник, зарядку и рубашку, потом вернулся, поставил сумку в чулан. Ей тогда так и не позвонил. Не потому, что не мог: решил, что не надо.

Она вернулась и села на диван.

— Пап, я бы приехала. Даже с тем заказом.

Он переложил свитер.

— Приехала бы.

— Ты не веришь?

— Верю.

— Тогда зачем ты всё время...

Он обернулся. Не сердито, но Варвара остановилась.

— Я не всё время, — сказал отец. — Иногда мне хочется сначала самому. Не потому, что ты плохая дочь.

Она провела ладонью по диванному шву. Ткань на месте старой заплаты изменила цвет: материал под ней выцвел меньше.

— Я это не говорила.

— Ты так сидишь.

Они оба улыбнулись. Ненадолго, но стало легче дышать.

Отец достал с верхней полки кожаную папку. Варвара узнала ту, в которой хранились документы на дом, и внутренне напряглась. Однако из папки он вынул фотографию. На ней

они втроём стояли у реки, и мать держала большой зонт, хотя дождя не было. У Варвары в руках — ведёрко с песком. Отец на снимке шурился и отворачивался от фотографа.

— Вот это возьму.

Варвара протянула руку.

— Я отсканирую. Она уже треснула.

— Потом.

Он положил фотографию между рубашками.

— Кто снимал? — спросила Варвара.

— Пётр. Тамарин.

Она подняла голову.

Отец закрыл шкаф.

— Мы тогда вместе ездили. Лида с Тамарой весь день из-за костра спорили. Одна говорит — дым в лицо, другая говорит — зато комаров нет. Ты со смеху чуть в воду не свалилась.

Варвара помнила эту фотографию наизусть. Тамара и её муж существовали за краем кадра, как деревья за спиной фотографа: ничего не значили, пока кто-то не назвал их.

— А я думала, мы одни.

— Нет. Нас много было.

* * *

Перед отъездом отец обошёл двор. Варвара шла за ним с ключами от машины, сначала торопясь, потом перестав.

Он проверил, плотно ли закрыт мешок с зерном, подложил доску под крышку ящика, отодвинул от стены мокрую лопату. Всё это можно было сделать за пять минут, но он задерживался возле каждой вещи. Варвара знала эту медлительность по людям, которые отдавали ей старое кресло: прежде чем позволить грузчикам вынести, они поправляли на нём подушку.

— Ты же вернёшься, — сказала она.

— Знаю.

Они дошли до яблони. У основания ствола стояла низкая табуретка, на ней — эмалированная миска. В миске плавали листья и два небольших яблока.

— Для птиц? — спросила Варвара.

— Для кота. Только птицы тоже считают, что для них.

— А кот где?

— Ходит. У Раисы ест. У меня спит, когда захочет.

Варвара посмотрела на окно зала.

— Спит?

Отец понял.

— Ему ничего.

— Почему?

— Не знаю, Варя. Ему ничего, и собаке ничего. Ты сейчас спросишь, почему собакой не караулить. Пробовали. Собака на чужих лает, на своего хозяина не всегда. И сама уснёт.

— А если камера? Я могла бы смотреть из города.

Отец поставил миску подальше от края.

— Кузьма ставил. Спроси у него.

— Не сработало?

— Спроси. Он лучше объяснит.

Она едва не рассердилась на очередной перевод разговора, потом заметила, как отец прижимает два пальца к виску. Не давит, просто держит.

— Голова?

— Не болит. Шумит немного. Сейчас пройдёт.

Варвара повела его обратно. Он не возражал.

У калитки стоял высокий фургон, грязный до дверных ручек. Возле открытого багажника женщина в спортивной куртке считала пустые овощные ящики. Волосы у неё были собраны в тугой хвост; изо рта торчал карандаш.

— Григорий Петрович, ключ Раисе оставляете? — спросила она, вынув карандаш.

— Тамаре.

— Тогда я ей мешок привезу. Уже оплачено, обратно не повезу, не просите.

— Я не просил ещё.

— А я заранее.

Она заметила Варвару и протянула руку.

— Инга. Мы с тобой в один кружок к Ларисе Николаевне ходили, только я в старшую группу. Ты, наверное, не помнишь.

Варвара помнила. Не лицо, а смешную страсть Инги приклеивать на тетрадки вырезанные из журналов туфли. Каждая тетрадь была заставлена обувью, которую в их деревне никто не носил.

— У тебя на обложке тетрадки были зелёные босоножки, — сказала Варвара.

Инга засмеялась.

— С рекламной страницы. До сих пор таких не купила. Всё в этом хожу.

Она показала резиновые полусапоги, вытертые на сгибах.

Из фургона вылез парень. Худой, высокий, в чёрной толстовке, с наушником в одном ухе. Он поднял тяжёлый ящик, прижал к боку.

— Не этот, — сказала Инга. — Тот мой. Этот Раисе.

Парень поставил ящик, взял другой. На Варвару посмотрел мельком.

— Лев, — представила Инга. — Мой. Вчера был маленький, сегодня уже велит в комнату стучать.

— Я и вчера велел, — сказал Лев.

— Вчера тебя на руках носили.

— Это позавчера.

Инга снова засмеялась, но устало.

Григорий подвинул к калитке сумку. Лев сразу взял её, не спрашивая, и понёс к Варваринной машине.

— Тяжёлая, — сказал он. — Камни, что ли?

— Рыбацкое, — ответил отец.

— Тоже камни.

Варвара открыла багажник. Удочку пришлось положить наискось. Лев придержал чехол, пока она укладывала сумку.

— Забираешь его совсем? — тихо спросила Инга, остановившись рядом.

— Пока на несколько дней.

— Правильно.

Инга произнесла это без обычного облегчения, которым соседи провожают старика к детям. Скорее с осторожной завистью.

— А вы? — спросила Варвара.

— Мы что?

— Не думаете переехать?

— Думаем. Только у меня всё на этой машине держится. Товар, огород, люди. В городе я такая никому не нужна.

— Почему не нужна?

Инга пожала плечами.

— Слушай, я знаю, что ответить надо: везде работа есть, было бы желание. Лёвке я сама это говорю. Он пусть едет. А я пока...

— Мам, — позвал Лев, — у тебя опять дверь не закрывается.

— Я знаю, как она закрывается.

— Я тоже уже знаю. Ей кузов мешает.

Инга махнула сыну и повернулась к Варваре:

— Если на воскресенье обратно соберётесь, напиши. Я в район поеду, могу заодно заехать, если ты работаешь.

Варвара поблагодарила. Предложение показалось ей хорошим и простым. Взрослые люди могли договариваться о дороге, а не только о ночной страже.

Когда Инга отошла, Лев задержался у машины.

— Там на перекрёстке плиту вынули, — сказал он. — Вправо объезжай, слева яма глубже. Вчера почти все слева лезли.

— Спасибо.

Он кивнул и неожиданно спросил:

— У тебя в городе котов в автобус пускают?

— С переноской, думаю. Смотря в какой автобус.

— Я про междугородний. Ладно, узнаю.

— Ты кота забираешь?

Лев глянул на отца, потом на фургон.

— Потом. Пока нет переноски.

Он ушёл, так и не пояснив, куда собирается.

* * *

Тамара вышла к ним, когда вещи уже были уложены. Она переоделась, вымыла голову и теперь казалась другой женщиной: мягкие волосы лежали гладко, в ушах были маленькие серьги с тёмными камнями. Спала она от силы два часа, и Варвара хотела предложить перенести прощание на другой день, как будто оно было деловой встречей.

Отец пошёл ей навстречу. Остановились возле яблони за забором, где Варвара не слышала слов.

Тамара что-то сказала, он ответил. Она покачала головой. Он приподнял ладонь, коснулся её щеки. Тамара взяла его за пальцы и опустила руку.

Варвара отвернулась к машине. Поправила зеркало, хотя оно стояло правильно.

Григорий вернулся с маленьким бумажным пакетом. Сел на переднее сиденье. Тамара подошла к Варварину окну.

— Там пирожки. Не горячие уже.

— Спасибо.

— На дороге не останавливайтесь надолго. Лучше домой до темноты.

Варвара кивнула. Вчера она начала бы спорить о темноте.

— Позвоню вечером.

— Хорошо.

Тамара задержала руку на краю окна.

— Варь, не спрашивай его каждую минуту, как он себя чувствует. Он тогда начнёт тебе отвечать, что хорошо, лишь бы перестала.

Варвара взглянула на отца. Он смотрел перед собой, будто разговор его не касался.

— Постараюсь, — сказала она.

Тамара отступила. Варвара завела машину, вырулила со двора. В зеркале некоторое время оставались Тамара, калитка и отцовское окно. Потом дорога повернула, и дом исчез.

Григорий сидел очень прямо. На коленях держал пакет с пирожками.

— Ремень, пап.

Он словно очнулся, потянул лямку. Замок никак не попадал в гнездо. Варвара помогла, не комментируя.

У колодца стоял Родион. Тот самый, который утром показывал, как хорошо спится. Сейчас лицо у него было вполне обыкновенное, только слишком ровное: ни покраснения от ветра, ни раздражения от холодной воды, которой он, судя по мокрым рукам, умывался.

Он поднял ладонь.

Отец ему не помахал.

За последними домами начинался низкий луг. Когда-то там стоял большой сарай, от него остались каменные подпятники и железное кольцо в земле. Варвара в детстве считала, что к кольцу привязывали лошадь; отец говорил, что быка.

Теперь на одном из камней сидела Авдотья. Варвара узнала маленькую фигуру и фонарик, висевший на ремешке у запястья. Среди белого дня фонарик выглядел ненужным и потому трогательным.

Григорий попросил остановить.

— Добрый день, — сказала Варвара, опустив стекло.

Авдотья подошла медленно. Одна линза в её очках была заметно толще другой.

— Добрый, — ответила она. — Поехали?

— Поехали, — сказал Григорий.

— Это хорошо. Только он сам знает, куда?

Варвара подумала, что речь о дороге.

— Ко мне.

Авдотья продолжала смотреть на Григория.

— Сам знаю, — сказал тот.

— Ну и хорошо.

Она положила ладонь на дверцу. Кожа на пальцах была прозрачной, с мелкими царапинами.

— Ты его за вчерашнего не держи, — сказала она Варваре. — Вчерашний всегда удобнее. Ничего уже от тебя не просит.

Варвара не нашлась что ответить.

— Баба Дуся, — сказал отец, — не пугай человека.

— Я не пугаю. Я про старость. Ты опять про своё.

Она убрала руку, отошла на край дороги. Варвара тронулась. Через несколько секунд, когда посмотрела в зеркало, старуха снова сидела на камне, сложив руки на коленях.

— Она кого ждёт?

— Никого. Там солнце до обеда.

Варвара повернула к трассе, объехала выбитую плиту справа, как советовал Лев. Машину всё равно качнуло. Отец придержал пакет, и из него пахло капустой, печёным тестом, чем-то совершенно безопасным.

На пригорке телефон ожил: сообщения, два пропущенных звонка, прогноз дождя. Варвара посмотрела на дорогу и впервые со вчерашнего вечера ощутила обычную усталость после плохой ночи.

— Остановимся у заправки, — сказала она. — Выпью кофе.

— Ты за рулём не засыпаешь?

— Нет. Если начну — остановлюсь.

Отец кивнул. Достал пирожок и разломил пополам.

— Ты свою половину держи, — сказала Варвара. — Я потом.

Он завернул её часть обратно, положил на пакет.

Они выехали из деревни. Никто не пытался их остановить.

Глава 5. Комната без запаха

На заправке Григорий купил мятные леденцы и дорогую стеклянную бутылку воды, хотя в машине лежала целая упаковка обычной. Воду он потом почти не пил. Крутил бутылку в руках, разглядывал рисунок на этикетке, заворачивал крышку с таким усилием, будто она собиралась открыться сама.

Варвара пила кофе на улице. После нескольких часов сна её не клонило за рулём, но мысли шли медленно. Она смотрела, как отец разговаривает с молодым кассиром через стекло, и убеждала себя, что именно так всё и закончится: заправкой, леденцами, дорогой. Ночной голос останется странностью, для которой найдётся объяснение. Одно из тех объяснений, в которых ничего не понимаешь, но позволяешь себе поверить, потому что человек, давший его, учился много лет.

Григорий вышел с бумажным стаканчиком.

— Тебе ещё взял, — сказал он.

— У меня есть.

— Ну, потом выпьешь.

Она взяла второй кофе. Он оказался сладким. Мать всегда пила с тремя ложками сахара, а Варвара — без, но от этого ничего не следовало. Отец всю жизнь забывал, кто как пьёт.

— Там мальчишка из Тарасова, — сказал он. — Кассир. Я по фамилии на значке спросил. Оказалось, мать его знаю. Она у нас практику проходила.

— Ты всех знаешь.

— Раньше знал. Теперь вот матерей знаю, а детей нет.

Они вернулись в машину. На оставшейся дороге отец оживился: показывал повороты к местам, где бывал, вспоминал закрывшуюся столовую, спорил с навигатором, который вёл их через новую развязку. Не одинокий старик, которого везут под присмотром, а неудобный пассажир, уверенный в своём маршруте.

Варвара позволяла ему спорить. По новой развязке всё равно поехала.

В город въехали около двух. Дождь здесь уже начался. По краям дороги лежали мокрые клёновые листья, машины поднимали из луж тонкие веера воды. Отец замолчал. Варвара подумала, что ему надоело смотреть, но потом заметила, как он рассматривает людей на остановке — особенно женщину, которая придерживала коляску коленом и застёгивала мальчику куртку.

— Что? — спросила она.

— Ничего. Успевает всё.

Они припарковались у дома. Свободное место было далеко от подъезда; Варвара предложила сначала довести отца, потом принести сумку. Он отказался, вытащил свою удочку и пошёл первым.

Дом казался ему новым, хотя Варвара жила здесь восьмой год. Он приезжал всего дважды, последний раз ещё до её развода. Тогда бывший муж тащил сумки, быстро говорил, не давая никому вставить слова, и отцу пришлось сидеть на кухне на табуретке без спинки. Варвара помнила, как он на третий день собрался домой, хотя собирался оставаться неделю.

В лифте Григорий упёр удочку в потолок.

— Длинная у тебя машина, — сказал он.

Варвара рассмеялась.

— Это лифт, пап.

— Знаю. Но машина.

Он был прав. От этого простого уточнения ей стало хорошо.

На площадке они встретили соседа напротив. Тот выходил с мусорным пакетом и сразу придержал лифтовую дверь плечом.

— Помочь?

— Уже донесли, спасибо, — сказала Варвара. — Это папа приехал. Григорий Петрович. Юрий Алексеевич, наш сосед.

Мужчины пожали руки. Юрий был младше отца, но седой почти так же. Ворот футболки у него оттянулся на одно плечо; в руке, не занятой пакетом, он держал ключи и маленький ремонтный нож.

— Вы надолго? — спросил он.

— Посмотрим, — ответил отец раньше Варвары.

— Поживите. Здесь лифт хороший. Только по утрам кто-то всё время нижнюю кнопку держит, ждёт людей. Не думайте, что сломался.

Лифт пикнул. Юрий убрал плечо, шагнул внутрь. На прощание поднял нож с ключами, словно нелепый маленький букет.

— Он в автобусном парке работает, — сказала Варвара, открывая квартиру. — По ночам иногда. Если поздно шумит — это он пришёл, не пугайся.

Отец ничего не ответил. Вошёл в прихожую, поставил удочку и долго вытирал ноги о коврик, хотя она уже попросила не стараться.

* * *

Комната для отца получилась слишком аккуратной.

Варвара поняла это, когда он остановился в дверях. Новая лампа, однотонное постельное бельё, пустая верхняя полка, на которую можно поставить его книги. Она заранее убрала всё своё — коробки с образцами тканей, старую швейную машину, инструменты, два неудачных абажура. Ей казалось, это проявление уважения. Теперь комната выглядела так, словно из неё уже кто-то выехал.

— Хорошо, — сказал отец.

— Здесь батарея регулируется. Если жарко, просто повернёшь. Только до конца не надо, она...

— Варь, я тридцать лет за школьными батареями смотрел.

— Эта другая.

Он улыбнулся.

— Ну, значит, научишь.

Она показала выключатели, розетки, место для рубашек. Отец всё слушал, благодарил, пробовал открыть шкаф. Варвара говорила слишком много и не могла остановиться. Хотелось, чтобы он сразу понял: ему не придётся спрашивать разрешения на каждый чайник. Но объяснения как раз напоминали правила временного проживания.

Он достал фотографию, поставил к стене на подоконнике. Без рамки она сразу сползла. Варвара предложила найти рамку. Он отказался, подложил сзади коробочку с крючками.

— Вот. Держится.

Удочку спрятал за шкаф.

Варвара приготовила яичницу. Отец порезал хлеб, нашёл соль, вымыл за собой нож. Они ели на кухне, где даже вдвоём было тесно, и разговаривали о погоде. Григорий предложил починить дверцу под раковиной. Варвара сказала, что дверца нормально работает. Он открыл, показал, как её ведёт, и она сдалась.

За полчаса он подтянул петли, заменил одну короткую отвёртку другой и попросил карандаш. Варвара наблюдала, сидя на табуретке.

— Ты очень рад, что нашёл поломку, да?

Он выглянул из-под раковины.

— Конечно. А то я у тебя только есть могу.

Она хотела возразить, но он уже наклонился обратно.

После обеда Варвара позвонила в клинику, где раньше сама обследовалась. Свободное время у врача было на следующее утро. Она описала жалобы отца без деревенских объяснений, уточнила, что делать, если эпизод повторится, записала время приёма. Направления и предыдущие результаты сложила в отдельную папку. На этот раз папку отец положил в сумку при ней.

День складывался разумно. Все действия имели название и следующий шаг.

Потом Григорий лёг отдохнуть, а Варвара поехала в мастерскую забрать документы и убедиться, что кресло для заказчицы упаковали. Перед выходом она остановилась в дверях его комнаты.

— Пап, я часа на полтора. Сейчас день.

Он смотрел в потолок.

— Знаю.

— Если что — позвони.

— Позвоню.

Она оставила дверь открытой, хотя в квартире всё равно никого не оставалось.

* * *

В мастерской пахло клеем, древесной пылью и сырым картоном. Варвара всегда любила этот запах — он означал, что вещи ещё можно разобрать и собрать лучше.

Саша сидела на полу рядом с креслом и приклеивала к ножке бумажный номер. Они работали вместе третий год, и Варвара до сих пор удивлялась, как легко эта женщина умещается между коробок, где любой другой человек непременно обо что-нибудь ударится.

— Ты какая-то прозрачная, — сказала Саша вместо приветствия. — Отца привезла?

— Привезла.

— Не захотел к нам зайти?

— Спит.

— Ну и правильно. Потом придёт, поругает, как мы пружины ставим.

Варвара присела на корточки. Потрогала обивку: ровно, без лишнего натяжения. На шве у подлокотника осталась меловая черта. Она стёрла её рукавом.

— Не спала? — спросила Саша.

— Мало.

— Он совсем плохой?

Варвара смотрела на свои руки. На указательном пальце была старая неглубокая ранка от мебельной скобы. За последнюю ночь она почти зажила.

— Не совсем. Не знаю. Я вчера очень испугалась.

Саша отложила этикетки.

Варвара рассказала про голос. Не всё, без тетради и деревенских дежурств. Слова звучали всё глупее по мере того, как она их произносила. В конце ей захотелось добавить: я знаю, что это невозможно. Но она не знала. Только очень хотела, чтобы было невозможно.

Саша не засмеялась.

— У меня после маминой смерти чайник её голосом звал, — сказала она. — Серьёзно. Свистит, а я слышу: «Саш». Месяца два. Я каждый раз в коридор выглядывала.

— У меня мама четырнадцать лет назад умерла.

— Значит, не то. Я не говорю, что то же самое. Просто ты не одна такая, кто слышал и боялся об этом сказать.

Варвара выпрямилась. В коленях что-то щёлкнуло.

— Я завтра его к врачу.

— Сходите. А сегодня выпишь. Кресло мы сами отвезём.

Саша вернулась к работе, не стала расспрашивать о голосе. Варвара постояла рядом, помогла натянуть упаковку на спинку. Обычные движения успокаивали. Она поймала себя на том, что хочет остаться здесь до закрытия, потом вместе с Сашей дойти до остановки, купить хлеб и вернуться в квартиру, где никого не надо караулить.

За это желание стало стыдно раньше, чем она успела его додумать.

Саша протянула ей степлер.

— Сделай с этой стороны. У тебя ровнее.

Варвара сделала. Три скобы, расстояние на глаз, загнутый внутрь край плёнки. На минуту она снова была человеком, который что-то умеет.

* * *

Дома отец сидел перед телевизором без звука. На кухне остывал чай, из сумки были вынуты все рубашки. Фотография на подоконнике теперь стояла в рамке — деревянной, с облупившимся уголком.

— Ты нашёл?

— На верхней полке.

— Она была сломана.

— Была.

Он показал на склеенный угол. Варвара рассмеялась. Она оставляла эту рамку «на потом» почти год.

За окном начинались сумерки.

Отец посмотрел на них, потом на дверь.

— Ты стул принесёшь?

Варвара почувствовала, как всё дневное спокойствие собралось в маленький комоч и провалилось куда-то под рёбра.

— Пап, здесь город.

— Знаю.

— Здесь люди за стенами. Сверху, снизу.

— Я слышу.

Телевизор беззвучно показывал людей, которые быстро шли по вокзалу. Женщина в красном пальто обернулась, что-то сказала мужчине. Отец выключил экран.

— Мне так спокойнее, — сказал он. — Сегодня. Потом посмотрим.

Варвара принесла стул. Один из своих, со светлой обивкой, который она закончила прошлой зимой. Поставила возле его кровати, села.

Отец лёг поверх одеяла, не снимая брюк.

— Разденься нормально, — сказала она.

— Потом.

Она взяла телефон, написала Тамаре: «Доехали. Всё хорошо. Завтра на приём».

Ответ пришёл не сразу. Тамара прислала фотографию соседского кота на отцовском крыльце и короткое: «Этот уже требует ужин».

Варвара показала отцу. Он улыбнулся.

— Наглый. Он у Раисы поел.

— Откуда ты знаешь?

— У него лицо такое.

Она увеличила фотографию. Кот был толстый, серый, с белой грудью и недовольными глазами. В кадр попал край красного стула. Кузьма снова принёс его к отцовскому дому, хотя дом теперь был пуст.

Варвара приблизила изображение ещё, но оно распалось на квадраты.

— Пап, почему там стул?

Он взял телефон, посмотрел и вернул.

— Значит, принёс. На крыльце удобно сидеть, когда солнце.

— Но сейчас...

— Варь. Не всё про это.

Она положила телефон экраном вниз.

В коридоре за входной дверью хлопнул лифт. Кто-то прошёл по площадке и долго не мог вставить ключ в замок. Потом соседская дверь открылась. Юрий громко кашлянул, сказал кому-то «ну что, встречаешь» и закрыл её за собой.

— У него собака? — спросил отец.

— Кот. Рыжий. У жены был.

— Жена умерла?

— Года два назад. Мы почти не разговаривали. Он тогда просил цветы поливать, пока в больницу ездил. Я поливала.

Отец молчал.

— Я лишнее говорю? — спросила Варвара.

— Нет. Просто думаю, как странно. Стена тонкая, всё слышно, а человека не знаешь.

Он повернулся на бок. Фотография с реки стояла у его головы, и Варвара могла видеть мать, молодую, с поднятым над плечом зонтом.

Мать на фотографии улыбалась человеку, которого в кадре не было.

Глава 6. За тонкой стеной

Отец не заснул. Он лежал неподвижно, потом сел и попросил воды. Стеклянная бутылка с заправки стояла на подоконнике, но он почему-то не стал из неё пить.

Варвара принесла обычный стакан.

— Может, чай?

— Не надо. Я тебя замучил.

— Ты просто воды попросил.

Он кивнул, отпил и поставил стакан на пол. Варвара молча переставила на тумбочку. Сама принесла из кухни маленький столик на колёсах: термос, яблоки, телефон, зарядка. Постепенно вокруг стула возникло рабочее место, как в мастерской. Только вместо ткани и инструментов на нём лежало всё, что могло удержать её от сна.

К девяти она проголодалась. Разогрела пирожки, разрежала помидор. Отец вышел на кухню, поел, вымыл за ними тарелки. Она позволила ему мыть. Ей хотелось знать, что он не притворяется человеком, но само это желание было таким чудовищным, что она цеплялась за бытовые подробности: он недостаточно тщательно промыл вилку; значит, папа. Он капнул водой мимо полотенца; значит, папа. Через несколько минут Варвара поняла, что превратила его в ряд проверок, которых он не заслуживал.

Она забрала мокрое полотенце, повесила ровнее.

— Сядем вместе, — сказала она. — Не надо тебе пока одному в комнате.

Они устроились на кухне. Включили маленькое радио, которое Варвара держала на холодильнике. Оно шипело, ловило местную станцию, теряло её при каждом движении дверцы. Отец поправил антенну, и музыка стала чистой.

— Вот это помню, — сказал он.

По радио пели песню, которую Варвара тоже знала, но не помнила откуда. Наверное, из их старого дома: радио у матери работало целыми днями, под него чистили картошку, красили рамы, ссорились и мирились.

— Вы под неё танцевали? — спросила она.

Отец покачал головой.

— Твоя мать редко танцевала.

— Мне казалось, часто.

— Она на свадьбах танцевала, потому что неудобно сидеть. А дома — нет. Дома всё дело находила.

— А ты?

— Я любил.

Варвара удивилась. Представить отца танцующим можно было, только приложив усилие: слишком большим казалось его тело для такого движения.

— С Тamarой танцуете?

Он посмотрел на неё настороженно.

— Иногда.

— Я не против, пап.

— Я знаю.

Она подумала, что он не знает, и виновата в этом отчасти она сама. Каждый разговор начинала с здоровья, крыши, дров, очередного талона к врачу. Для вопроса о танцах всегда было слишком поздно: надо бежать, завтра ранний подъём, созвонимся.

— Она к сестре собирается, — сказал отец после паузы.

— Тамара?

— В другой город. Сестре одной тяжело. И ей здесь тяжело. Она мне про это ещё зимой говорила.

— А ты?

Он пожал плечами.

— Я тоже говорю, пусть едет.

— Но не хочешь.

— Конечно, не хочу. Мне с ней лучше.

Прямота ответа смутила Варвару. Мать на такие вопросы отвечала бы иначе, долго объясняла, почему нельзя бросать хозяйство, почему поездки дорого обходятся и неизвестно ещё, как там примут.

Радио начало шипеть. Отец снова поправил антенну.

— Я ей мешаю, — сказал он. — Она думает, уйдёт — я тут пропаду.

— Теперь ты у меня. Значит, может поехать.

Он кивнул, но не обрадовался.

Варвара хотела спросить ещё, затем заметила, что он смотрит поверх её плеча. Она обернулась. В прихожей висело зеркало. В нём отражались часть кухни, её спина и освещённый дверной проём отцовской комнаты.

Ничего больше.

— Что там?

— Ничего, — ответил он и встал. — Пройдусь.

Он обошёл квартиру. Заглянул в ванную, в её спальню, вернулся. У порога кухни постоял, прислушиваясь.

— Пап?

— Сосед телевизор громко включил.

Варвара прислушалась. Из-за стены доносился низкий гул, временами — смех. Ничего необычного. Юрий иногда засыпал перед экраном, и Варвара стучала, когда звук становился совсем громким.

— Он сделает тише, если попросить.

— Не надо. Мне не мешает.

Отец снова сел.

В половине одиннадцатого Варвара позвонила Тамаре. Та спросила про дорогу, про комнату, про приём. Григорий сам взял телефон и несколько минут рассказывал ей о расшатавшейся дверце. Варвара ушла в ванную, чтобы дать им поговорить без неё.

Вернулась, когда отец говорил:

— Нет. Я не слышу. Сегодня тихо.

Тамара что-то ответила. Он закрыл глаза.

— Да. Обещаю.

Отдав телефон, он отвернулся к окну.

Варвара не стала спрашивать, что он обещал. Уважение к чужому разговору потребовало от неё почти физического усилия.

* * *

Около полуночи они перебрались в отцовскую комнату. Он согласился лечь в постель, она села на стул. По телефону Саша прислала фотографию кресла в кузове грузовика: всё упаковано, доставят с утра. Варвара ответила сердечком и почувствовала себя бессовестной: в одном и том же устройстве умещались благодарность, страх, список покупок и номер, по которому можно вызвать помощь. Хотелось, чтобы хотя бы для страха был отдельный телефон.

Григорий смотрел на фотографию у подушки.

— Ты в тот день ведро потеряла, — сказал он.

— Какое?

— Синее. На снимке красное, это Петя дал. А синее унесло. Ты всё думала, его можно на той стороне поймать.

— Я не помню.

— Маленькая была.

— Ты поймал?

— Нет. Поехали домой, купили другое.

Варвара улыбнулась.

— Я бы сейчас нашла способ его достать.

— Сейчас да. А тогда ты просто поплакала.

Он поправил одеяло, вытянул ноги. В комнате работала только лампа на столике. За окном светились чужие окна, в нескольких ещё двигались люди. Варвара представляла себе огромную сеть бодрствующих: дежурные, родители младенцев, студенты, водители, люди, которые просто не хотели заканчивать день. Невозможно было поверить, что в таком городе человек может остаться совсем без присмотра.

Она читала с телефона статью о нарушениях сна и мало что запоминала. Почти каждая фраза предлагала обратиться к специалисту; это они уже собирались сделать. Она закрыла статью, открыла погоду, потом фотографии кота у отцовского дома.

Григорий дышал ровно. На этот раз уснул.

Варвара поставила таймер на пятнадцать минут — не для сна, чтобы чаще отрываться от экрана. Через две минуты выключила: сигнал мог разбудить отца. Вместо этого завела старые наручные часы и положила перед собой. По секундной стрелке было видно, как медленно движется ночь.

Соседский телевизор замолчал.

Потом кто-то негромко позвал:

— Юр.

Варвара услышала это через стену, со стороны прихожей. Женский голос, незнакомый, хриловатый. Она подняла голову. У Юрия иногда бывала дочь, могла остаться ночевать.

— Юр, ты мне откроешь?

Голос звучал не из квартиры соседа. Скорее с площадки.

Варвара встала. Отец продолжал спать. Она подошла к открытой двери комнаты и прислушалась.

— Я ключи оставила.

Слова были произнесены негромко, с домашней досадой. Не так зовут человека через железную дверь: громче не становилось, хотя ответа не было.

Варвара прошла в прихожую. Между входной дверью и отцовской кроватью было всего несколько шагов; с порога она могла видеть его плечо и часть лица.

Она заглянула в глазок.

На площадке горел свет. У двери Юрия никого не было.

— Юрочка.

Варвара отпрянула. Теперь голос прозвучал почти у её уха.

Из отцовской комнаты донёсся скрип кровати.

Она бросилась обратно.

Григорий сидел, опустив ноги на пол. Смотрел на открытую дверь, как человек, которого разбудили звуки в незнакомом доме.

— Ты слышишь? — спросила Варвара.

Он поднял руку, призывая её не говорить.

За стеной что-то стукнуло. Послышались шаркающие шаги. Сосед шёл к двери.

Варвара не стала думать. Выскочила на площадку и ударила ладонью в соседскую дверь.
— Юрий Алексеевич! Это я, Варя!

За дверью замерли.

— Кто?

— Варя, соседка.

Звякнула цепочка. Дверь приоткрылась. Юрий стоял босиком, в той же футболке, но лицо было другое: растерянное, почти детское.

— Ты звала?

— Нет.

Он посмотрел через её плечо. На пустую площадку.

— А кто?

Варвара не успела ответить.

Из её квартиры, из глубины прихожей, женский голос сказал:

— Да убери ты цепочку. Я с сумками.

Юрий побелел. Варвара увидела это даже при жёлтом свете лестничной лампы: щеки стали серыми, на лбу выступил пот.

— Лара? — сказал он.

Варвара шагнула к его двери, не давая открыть шире.

— Подождите.

— Кто у тебя?

— Отец.

— А это кто?

— Я не знаю.

За её спиной появился Григорий. В носках, без тапок, он держался за косяк. На лице было такое выражение, с которым он когда-то вытаскивал палец из мышеловки: больно, глупо, сам не понимает, как случилось.

Юрий посмотрел на него, потом снова в глубину квартиры.

— Это чья шутка? — спросил он.

Григорий попытался ответить. Губы разомкнулись, и одновременно с его хриплым вдохом женский голос, совсем рядом, произнёс:

— Ты же обещал не запирасть.

Варвара видела рот отца. Видела, что он не произносит этих слов. Он вдохнул один раз — а фраза продолжалась, свободная, спокойная, с короткой паузой после «обещал».

Юрий распахнул дверь, цепочка натянулась. Рыжий кот метнулся между его ног, ударился о дверь возле щели и отскочил.

— Прекрати, — сказал он Варваре. — Ты что делаешь?

Она схватила отца за руку.

— Пап, смотри на меня.

Он перевёл взгляд на неё. Веки подрагивали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.